

Н. Е. КОПОСОВ

ИДЕОЛОГИ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА О ВИЗАНТИЙСКОЙ АВТОКРАТИИ*

Для понимания оценок византийской автократии идеологами абсолютизма XVI—XVII вв. наиболее важны такие явления французской действительности, как развитие национального сознания, религиозная политика правительства и отношения Франции с Османской империей.

XVI—XVII вв. — решающий этап в формировании французской нации, когда особенно активно проходило становление французского национального сознания¹. Оно имело тогда в целом монархический и религиозный характер. «Символом и гарантом» национального единства служила королевская власть, и ее идеализация являлась своего рода патриотическим долгом. Согласно господствовавшей абсолютистской концепции французской монархии, неограниченность королевской власти якобы сочеталась со свободой подданных. Благодаря этому Франция была сильнее всех прочих государств — как республик, так и деспотий. Представление о совершенстве государственного строя Франции дополнялось и обосновывалось идеей ее религиозного превосходства. Французы считали себя как бы новым «избранным народом»: он таков именно в силу христианской природы монархии. «Старший сын церкви», наделенный даром чудотворного врачевания, французский король воспринимался как первый государь христианского мира². Считалось, что своим величием он обязан особым отношениям с богом и церковью, закрепленным венчанием на царство и коронационной присягой.

Эти идеи способствовали укреплению королевской власти внутри страны, а вместе с тем и оправдывали претензии Франции на гегемонию в Европе, восходившие еще к XIII в. и с тех пор превратившиеся в неотъемлемую черту не только ее внешней политики, но и национального сознания.

* Настоящая статья примыкает к нашей работе «Византиноведение и абсолютизм во Франции XVII века» (ВВ, 1979, 40). В статье уточняются и обосновываются высказанные нами ранее предположения о том, как и почему во Франции XVII в. утвердилось резко отрицательное отношение к Византии. Поскольку большинство эрудитов в силу подчеркнуто академического характера их трудов не высказывали политических оценок (что, видимо, и явилось причиной надуманных толкований их позиции), главным источником для предлагаемой статьи послужили политические трактаты и произведения поздних гуманистов по истории Франции, где разрабатывались центральные вопросы абсолютистской теории и вместе с тем давались зачастую весьма подробные экскурсы в византийскую историю. Там, где это оказывалось возможным, мы дополняли указанные источники трудами эрудитов-византинистов, чьи немногочисленные высказывания находятся вполне в русле общей концепции. Она сложилась в основных чертах еще в период, предшествовавший расцвету французского эрудитского византиноведения, т. е. в конце XVI—первой половине XVII в., и была созданием идеологов, а не эрудитов, концепцией по преимуществу политической, а не научной. Однако она надолго определила традиции подхода к Византии.

Мысль об идеализации автократии во Франции XVII в., поставленная нами под сомнение в предыдущей статье, развивается также в работе: *Burkhardt D. Byzantium, Gallic perspectives from the reign of Louis XIV to 1900, as reflected in the works of selected historians.* — *Byzantina*, 1980, X, p. 291—336.

¹ См.: *Tapié V.-L. Comment les français du XVIIe siècle voyaient la patrie.* — XVIIe siècle, 1955, N 25—26, p. 37—58; *Jardeni M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion.* Louvain; Paris, 1971.

² См.: *Bloch M. Les rois thaumaturges.* Strasbourg, 1924.

В становлении этой черты огромную роль играла традиция: прошлое и настоящее смешивалось в идее исторического, или скорее даже надвременного величия французской монархии. Какую гордость вызывал тот факт, что почти все европейские государства управлялись в какой-либо период своей истории принцами французского королевского дома! ³ Муссирование этой темы было тем более важным, что закон о неотчуждаемости домена придавал вид легальности территориальным претензиям Франции. Идеи религиозно-политического превосходства и гегемонии Франции смыкались с осмыслением ее завоевательной внешней политики как крестового похода ради повсеместного установления христианского мира и справедливости.

Эта агрессивность и «комплекс превосходства» Франции, характерные для ее абсолютистской идеологии, имели прочную социально-психологическую базу. Ее отличительным признаком была ксенофобия. Из нее вытекала невозможность последовательной идеализации других народов и государств. Напротив, нормой было их противопоставление Франции в качестве отрицательных примеров ⁴. Это отношение распространялось не только на настоящее, но и на прошлое, включая и Византию.

Развитие контрреформации и тенденция абсолютизма к сближению с ней придавали особое значение чертам воинствующего католицизма в официальной идеологии. Абсолютным монархиям XVI—XVII вв. было свойственно стремление к установлению религиозно-политического единства общества ⁵. Для французского правительства искоренение кальвинизма являлось одним из важнейших политических вопросов, решение которого откладывалось лишь поневоле ⁶. Теоретически обосновать необходимость ликвидации раскола можно было двояким образом — с помощью рационалистических либо религиозно-мистических аргументов. С одной стороны, многие в XVI—XVII вв. считали религию важнейшей цементирующей силой государства, мощным орудием упрочения социальной дисциплины. С другой — раскол воспринимался как нарушение традиций наихристианнейшей французской монархии, чреватое божественной карой. Две линии аргументации иногда существовали раздельно, иногда же переплетались, порождая различные сочетания в трудах разных авторов. Соотношение и эволюция религиозно-мистической и рационалистической интерпретации ереси изучены еще недостаточно, и анализ оценок византийской автократии теоретиками абсолютизма проливает, думается, свет на этот вопрос: ведь именно Византия служила классическим примером государства, которое ересь привела к религиозным смутам и конечной гибели. Надо ли добавлять, что она выступала при этом в качестве отрицательного примера? Погибшее православное государство иначе и не могло рассматриваться.

Средиземноморская политика Франции ⁷ равным образом вела к развитию неблагоприятных для оценки Византии тенденций в историографии и общественной мысли. В XVII в. возможности создания «второго фронта» против Габсбургов в Северной Европе значительно возросли, а активность европейской политики Турции, напротив, уменьшилась. Соответственно уменьшились необходимость и возможность франко-турецкого союза. Общественное мнение, всегда решительно осуждавшее — по религиозным мотивам — франко-турецкий альянс, в условиях контрреформации стало гораздо более стеснительным. По словам одного историка, туркофобия прев-

³ См., например: *Bernard Ch. Généalogie de la maison royale de Bourbon*. P., 1645. Préface.

⁴ *Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500—1640). Essai de psychologie historique*. P., 1961, p. 174.

⁵ *Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в.* М.; Л., 1965, с. 176.

⁶ *Stankiewicz W. J. Politics and religion in seventeenth century France*. Berkeley; Los Angeles, 1960.

⁷ См.: *Tongas G. Les relations de la France avec l'empire ottoman durant la première moitié du XVIIe siècle*. Toulouse, 1942.

ратилась в настоящую манию⁸. Французские короли были вынуждены посылать экспедиционные корпуса на помощь германским императорам против Турции. И хотя католическим кругам эта помощь казалась недостаточной, в Порте она вызывала законное недовольство. Дипломатические интриги торговых конкурентов Франции встречали понимание дивана. Это было тем более неприятным, что англичане и голландцы к концу XVI в. заняли ведущее положение в левантийской торговле, потеснив французов. Правда, при Генрихе IV «капитуляции» были возобновлены, но это отнюдь не вернуло французским купцам и дипломатам прежнего благоприствования в Турции.

Между тем, несмотря на «поворот к Атлантике» во второй половине XVI в., Средиземноморье оставалось важнейшей сферой внешнеэкономических интересов Франции. Стремление разрубить этот гордиев узел, силой вернуть утраченные позиции определило безудержную агрессивность общественного мнения в отношении Турции, а подчас и прямые враждебные действия французского правительства. Идеи крестового похода и восстановления Латинской империи во главе с французским принцем пользовались широким распространением. Им не чужды были и виднейшие государственные деятели. Лидерство в грядущем походе должно было принадлежать Франции, которой предрекалась роль сокрушителя державы полумесяца. Официальная пропаганда традиционно использовала такие идеи. В этих целях, в частности, усиленно изучалась история крестовых походов и крестоносных государств на Востоке. Однако Латинская империя была врагом Византии. Восстанавливать последнюю никак не предполагалось. Крестоносные проекты оборачивались для нее — в сфере идеологии — очевидной антипатией.

Впрочем, многие авторы крестоносных проектов в той или иной степени рассчитывали на помощь угнетенных турками народов, в том числе и греков⁹, но от этого было еще очень далеко до филэллинизма XIX в. Ф. Бродель, знаток истории Средиземноморья, подчеркивал взаимную замкнутость католической и православной цивилизаций и тенденцию к сосуществованию православия и ислама¹⁰. Несмотря на периодические вспышки освободительной борьбы греческого народа в XVI—XVII вв., преобладала тенденция к его интеграции в систему Османской империи. Напротив, религиозная рознь с Западом была весьма сильной. Даже протестанты с их заинтересованностью в православии и долей готовности к компромиссу не смогли преодолеть последовательного изоляционизма восточной церкви. Тем более невозможным это было для католиков, поскольку для них речь могла идти только о «возвращении» греческой церкви в лоно римской. Униятское же движение в православии было довольно поверхностным.

Вот почему, какие бы ни велись разговоры о страданиях восточных христиан, нормой было отношение к ним не как к союзникам, но как к объекту миссионерской или даже крестоносной деятельности. Это отношение имело под собой прочный средневековый фундамент. По словам А. С. Атийи, в XIII—XIV вв. «крестовый поход предполагал войну и против сарацин, и против греков»¹¹. Так было и в XVII в.¹² Традиционная враждебность к грекам делает понятными их резко отрицательные оценки. Опорой последних служила теория климата, предполагавшая определяющее влияние природных условий на психический склад народов. В соответствии с ней жители Востока (куда включалась и Греция) наделялись в противовес европейцам отрицательными признаками. Считалось, что размягчающее влияние жаркого климата воспитывает там малодушных, слабовольных, переменчивых и раблепных людей. В свете этой теории интерпретирова-

⁸ См.: Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949, p. 671 (цитируются слова Л. Драперона).

⁹ Djuvара T.-G. Cent projets de partage de la Turquie. P., 1914, p. 188.

¹⁰ Braudel F. Op. cit., p. 564, 598.

¹¹ Atiya A. S. The crusade in the later Middle Ages. L., 1938, p. 283.

¹² Drapeyron L. Un projet français de conquête de l'empire ottoman au XVIe et au XVIIe siècles. — Revue des Deux Mondes, 1876, nov., t. 18, p. 147.

лись рассказы путешественников о жалкой участи покоренных турками народов.

Историки и географы, публицисты и поэты XVI—XVII вв. в унисон утверждали, что греки лживы, лицемерны, суетны и малодушны, что они предали свои национальные интересы и обычаи, что они покорны турецкому игу и враждебны «христианскому делу», а потому непригодны в качестве союзников¹³. Так, секретарь французского посольства в Константинополе в конце XVII в. и автор многочисленных описаний Турции Лакруа писал, что «греческая нация сделалась добычей турецкой», что она покорно сносит господство варваров и, «кажется, любит свое ярмо». Чтобы понять современное положение Греции, по словам Лакруа, достаточно знать, что один турок с палкой в руках и проклятиями на устах решится пойти против легиона греков. Подобно многим другим, Лакруа говорил и о невежестве православного духовенства, что, по его мнению, во многом объясняет причины сохранявшихся заблуждений¹⁴. Характерной чертой отношения к грекам в XVI—XVII вв. было восприятие их как еретиков *par excellence*: природное непостоянство (*inconstance*), полагали во Франции, нарушало их крепость в истинной вере¹⁵, излишняя склонность к умственным спекуляциям сделала их основателями почти всех ересей¹⁶, а национальная склонность к атеизму восходила еще к античной эпохе¹⁷. Чувства презрения к греческому народу, хотя и с существенной модификацией мотивов, сохранялись и в XVIII в. Естественно, что отрицательное отношение к Византии, государству того же православного греческого народа, во многом объясняется этими устойчиво негативными оценками последнего.

«Мания туркофобии» не только не привела, следовательно, к византинофильству, но, по-видимому, даже усугубила отрицательное отношение к автократии. Мысль о преемственности византийской и турецкой государственности, распространенная в среде греческих «интеллектуалов», отнюдь не была чужда и европейским мыслителям того времени. Обе империи на языке эпохи назывались *l'empire d'Orient*. Автор известной космографии Пьер Давити, перечисляя «константинопольских императоров», свел в едином списке без различия византийских василевсов и турецких султанов¹⁸. Луи Леруа называл Сулеймана Великолепного «византийским императором» (*Byzantinus imperator Solimanus*)¹⁹. Лакруа считал Турцию венцом империй²⁰.

Поскольку в основе всех этих высказываний лежала средневековая концепция «переноса империи», очевидно, что они обнаруживают предшественство о родстве византийских и турецких государственных порядков²¹. Последние же, несмотря на существование тенденции к их идеализации (ее главным объектом была турецкая армия)²², в принципе считались

¹³ *Postel G.* La tierce partie des histoires orientales. Poitiers, 1560, p. 87—88; *Du Chesne A.* Les antiquités et recherches de la grandeur et majesté des rois de France. P., 1609, p. 43—44; *Davit P.* Etats, empires, royaumes, et principautés du monde. Rouen, 1630, p. 1159; *La Mothe Le Vayer Fr. de.* Oeuvres, 1754, t. 1, pt. 2, p. 70. См. также: *Mandrou R.* Op. cit., p. 174.

¹⁴ *La Croix de.* La Turquie chrétienne. P., 1695. Préface, p. 2—3, 17.

¹⁵ *Dupleix S.* Histoire générale de France. P., 1634, t. III, p. 264.

¹⁶ *Postel G.* Histoire et considérations de l'origine, loy, et coustume des Tartares, Persiens, Arabes, Turcs. Poitiers, 1560, p. 42.

¹⁷ *Belleforest Fr. de.* Histoire universelle du monde. P., 1570. Préface.

¹⁸ *Davit P.* Op. cit., p. 1280—1288.

¹⁹ *Le Roy L.* Oratio de pace et concordia. P., 1583, f. 11.

²⁰ *La Croix de.* Etat général de l'empire ottoman. P., 1695, p. 8.

²¹ Конечно, это не мешало осознавать различия между Византией и Турцией, а иногда даже подчеркивать их. Так, Гийом Постель решительно отвергал претензии султанов на сан и права преемников римско-византийских императоров, а следовательно, и на принадлежавшие некогда империи западные владения. См.: *Postel R.* Histoire. . ., p. 25.

²² *Sturmberger H.* Das Problem der Vorbildhaftigkeit des türkischen Staatswesens in 16. und 17. Jahrhundert und sein Einfluß auf den europäischen Absolutismus. — In: XIIe Congrès International des sciences historiques. Rapports. Wien, 1965, t. IV,

противоположными европейской политической традиции. Предполагалось, что покорность и непостоянство азиатов способствуют установлению на Востоке деспотий, жестоких и слабых одновременно. Осуждение турецкого государственного строя как восточной деспотии («сеньориальной монархии», по терминологии Ж. Бодена) в равной мере характерно и для сторонников, и для противников абсолютизма²³.

Такое представление о Турции было важной опорой традиционной концепции французской монархии, что и определяло его устойчивость. Развиваемое просветителями, оно вошло затем в европейскую научную традицию. Мысль о подобии Византии и Турции, видимо, способствовала укреплению идеи о закономерности упадка и гибели первой, когда с конца XVI в. стал очевиден начавшийся упадок второй. Объяснение упадка Турции влиянием жаркого климата было общим местом, но, по словам Ж. Биньона, «некоторые приписывали этой самой причине малодушие последних греческих императоров Константинополя»²⁴. При этом Биньон не забывает подчеркнуть, что во Франции — иной психический склад народа и иная форма государства.

Помимо рассмотренных факторов, неблагоприятному отношению идеологов абсолютизма к Византии способствовало представление о ней как о наследнице Римской империи²⁵. Несмотря на привычку находить в римской истории классический образец величия государства, в целом политический строй империи оценивался отрицательно. Главной причиной можно считать то обстоятельство, что если республика была временем усиления влияния Рима, то империя стала свидетельницей его упадка. Первоначальное неприятие итальянскими гуманистами Римской империи обуславливалось их республиканскими убеждениями²⁶. У античных историков было заимствовано представление об угасании гражданских доблестей под гнетом тирании принцев, пришедшееся как нельзя более кстати. Понимание Римской империи как тирании утвердилось и во Франции, причем среди приверженцев абсолютизма не менее, чем у оппозиционных публицистов²⁷. В отношении первых особенно характерно то, что империя ассоциировалась ими с упадком гражданских доблестей и вместе с ними — могущества государства²⁸. Даже для крайних монархистов, не исключая самого Людовика XIV, Римская республика с ее культом гражданского духа, отлаженной системой управления, мощной армией и

р. 201—209; Rouillard C. G. The turks in French history, thought and literature (1520—1660). P., 1938; Martino P. L'Orient dans la littérature française. P., 1906; Atkinson G. Les nouveaux horizons de la Renaissance française. 2e éd. Genève, 1969.

²³ В среде гугенотской знати, например, замысел Варфоломеевской ночи, являвшейся будто бы попыткой истребить французское дворянство, приписывали влиянию, которое оказал на Екатерину Медичи некий кавалер де Понсе, долго живший в Турции и объяснявший силу власти султана отсутствием у турок наследственной аристократии. Хотя Турция здесь выступала предполагаемым образцом для французского правительства, речь шла все же только о тираническом правительстве, а традиционная французская конституция, в защиту которой будто бы выступали гугеноты, мыслилась как нечто противоположное господствовавшим в Турции порядкам. См.: Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871, с. 17—18. Помимо цитированных здесь авторов, см. также: La France — Turquie. Orléans, 1576, p. 7. Точка зрения идеологов абсолютизма была выражена Ж. Боденом. См.: Bodin J. Les six livres de la république. P., 1577, p. 201.

²⁴ Bignon J. De l'excellence des rois et du royaume de France. P., 1610, p. 85.

²⁵ Перенесение столицы империи в Константинополь оценивалось иногда как решительный разрыв с римскими традициями, приведший к ослаблению государства, но о смене государственного строя не было и речи.

²⁶ Whitfield J. H. Livy > Tacitus. — In: Classical influences on european culture. A. D. 1500—1700 / Ed. R. R. Bolgar. Cambridge, 1976, p. 283.

²⁷ Hotman Fr. Antitribonian. — In: Opuscules françaises des Hotmans. P., 1616, p. 6: Le Roy L. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. P., 1576, p. 50v, 73v, 78v.

²⁸ Bodin J. Op. cit., p. 374; Le Roy L. De la vicissitude. . . , p. 73v. Аналогичную точку зрения оппозиции см.: Les soupirs de la France esclave qui aspire après sa liberté. Amsterdam, 1690, p. 189.

периодически избираемыми диктаторами была объектом идеализации²⁹. Немаловажной причиной гибели Рима считали гражданские войны, подточившие его могущество изнутри³⁰.

Негативному отношению идеологов абсолютизма к Римской империи способствовало еще одно обстоятельство: национальная гордость французов весьма страдала при сознании, что когда-то Галлия была поработана Римом, тем более что на положение преемников последнего претендовали Габсбурги. Французские публицисты и историки стремились всячески преуменьшить степень римского поработания и подчеркивали героизм, выказанный галлами при сопротивлении³¹. Отношение к Римской империи как в какой-то мере национальному врагу Франции, безусловно, укрепляло антипатию к тиранам — принципсам. Подобно тому как это имело место в отношении к Турции, Римская империя считалась не только предшественницей Византии, но и образчиком ее судьбы. Леруа, например, объяснявший упадок Римской империи тиранией принципсов, отмечал, что Константинопольская империя — наследница Римской и Вавилонской, и что судьба ее напоминает их схожие между собой судьбы³².

Весьма важно, что историки XVI—XVII вв. нередко отмечали существенные черты сходства государственной и военной организации (а иногда и социально-экономического строя³³) Римской и Турецкой империй. За этим стояло представление об однородности обоих государств как восточных деспотий. Леруа писал: «Очевидно, что государство Турка во многом напоминает Римскую империю и древнее персидское царство, где вся власть была в руках единственного господина, пользовавшегося мелкими людешками, которых безопасно можно было назначить на великие должности и, не вызывая беспорядков, отрешить, унижить или убить»³⁴.

Этот порядок Леруа противопоставляет французскому обычаю, по которому король правит при поддержке наследственной знати, что и отличает «свободную» монархию от восточных деспотий. Наряду с деспотизмом Римскую и Турецкую империи в глазах французов XVI—XVII вв. сближала их нестабильность. Особенно часто подчеркивали близость положения турецких янычар и римских преторианцев, «которые избирали и убивали своих императоров по собственному решению»³⁵. В конце XVII в. Лакруа, предвосхищая Монтескье, отмечал, что следствием тиранической власти султанов была обыденность дворцовых переворотов: «Власть без границ, не умея сама поддерживать себя, как правило, предоставлена ярости тех, кто ее поддерживает. . . Цезари, которые царствовали не менее абсолютно, чем Османов, почти все кончали трагически»³⁶.

²⁹ Louis XIV. Oeuvres / Ed. Ph. A. Grouvelle. P., 1806, t. II, p. 19; Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. P., 1709, p. 552; Idem. Discours sur l'histoire universelle. P., 1861, p. 500 sq.

³⁰ Этот взгляд развивал, например, Жоашен Дю Белле, причем в судьбе Рима он видел не только образец гибели государства вообще, но и угрожавшей Франции опасности в частности. Напомним, что «Древности Рима» Дю Белле оказали существенное влияние на дальнейшее понимание римской истории. См.: Bunner Ю. Б. Поэзия Плеяды. М., 1976, с. 278—281. О точке зрения Ж. Кальвина см.: Dubois Cl.-G. La conception de l'histoire en France au XVIe siècle (1560—1610). P., 1977, p. 475—477.

³¹ Bignon J. Op. cit., p. 259. Об аналогичных взглядах Постеля см.: Bouwsma W. J. Concordia mundi. The Career and thought of Guillaume Postel. Cambridge (Mass.), 1957, p. 222.

³² Le Roy L. De la vicissitude. . . , p. 87r.

³³ Например, Блез де Виженер вставил в свой перевод «Истории» Лаоника Халкондила не имеющий аналогий ни в греческом тексте, ни в распространенном тогда латинском переводе Конрада Клаузера фрагмент, заключавший в себе наблюдение о том, что основу богатства Турецкой империи, равно как и Римской (и других античных государств), составляли рабы, используемые, в частности, в хозяйстве. См.: Chalcondyle L. Histoire générale des turcs / Trad. B. de Vigenère. 3e éd. P., 1662, t. I, p. 28. Ср.: Chalcondyla L. Historiarum libri decem / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1843, p. 32; Chalcondyla L. De origine et rebus gestis turcorum / Transl. C. Clauserus. Basiliae, 1556, p. 10.

³⁴ Le Roy L. De la vicissitude. . . , p. 50v.

³⁵ Postel G. La tierce partie. . . , p. 30; Chalcondyle / Trad. B. de Vigenère, t. II, p. 69; Dupleix S. Op. cit., t. II, p. 770.

³⁶ La Croix de. Etat. . . , p. 70.

Историческое место Византии оказывалось, таким образом, между двумя восточными деспотиями, с каждой из которых ее связывали узы одновременно преемственности и параллелизма. Безусловно, это в незначительной мере сказалось на оценках Византии во французской политической мысли XVII в. Как мы увидим, автократию также считали жестокой и нестабильной деспотией и к тому же национальным врагом Франции. Однако прежде, чем обратиться к анализу этих взглядов, попытаемся выяснить, каковы были те традиции, которые унаследовало французское византиноведение XVII в.

* * *

Средневековые представления Запада о Византии отличались двойственностью. С одной стороны, греков третировали как схизматиков, особенно после 1204 г., с другой — Византию считали «одним из источников всяческого благородства, что подчеркивало уже самое название „Константинополь“»³⁷. Этот последний взгляд отразился, например, в «Мемуарах» бургундского вельможи Оливье де Ла Марш. Рассказывая о «празднике фазана» в Лилле в 1454 г., когда Филипп Добрый и его рыцари принесли обет крестового похода для отвоевания Константинополя, Ла Марш называет византийского императора «самой знатной персоной в мире», поскольку императорский титул выше королевского, а германские императоры, будучи выборными монархами, уступают первенство наследственным василевсам³⁸. Почтительное отношение к Византии, следовательно, было связано с включением ее в феодальную иерархию западного средневековья, в то время как третирование — с конфессиональным подходом к ней. Такая двойственность не вызывает удивления, тем более что аналогичным было и отношение к мусульманскому Востоку³⁹.

Вопрос о том, какая из двух тенденций преобладала, нуждается в отдельном исследовании. Вывод И. Ирмшера о том, что к началу XVI в. «антивизантийское настроение западного средневековья исчезло» в связи с осознанием общности борьбы против турок и развитием гуманистического мировоззрения⁴⁰, сделан на основе анализа немецкой историографии, и переносить его на Францию, не произведя дополнительных разысканий, рискованно. Очевидно лишь, что следы образа «рыцарственного» Константинополя сохранялись во французской общественной мысли XVI—XVII вв.⁴¹

За отсутствием специальных исследований нельзя сказать определенно, действительно ли «Византия с ее совершенной административной системой доставляла феодальному западному миру... живой пример общества, управляемого публичной властью»⁴², но, во всяком случае, в XV в. постоянные призывы о помощи, исходившие от василевсов, наносивших визиты в Европу, рассказы путешественников о жалкой зависимости Византии от турок и особенно падение Константинополя в 1453 г. не могли не привести к представлению о бессилии автократии. Гуманистическая историография основывалась именно на привычке воспринимать Византию как гибнущее государство. Византия была тогда еще слишком недавним

³⁷ Grunzweig A. Philippe le Bon et Constantinople. — Byz., 1954, t. 24, p. 50. Слово «Константинополь» писали как «Constantinoble» или даже «Constantinnobles».

³⁸ La Marche O. de. Mémoires. — In: Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. Michaud et Poujolat. P., 1837, t. III, p. 478.

³⁹ Martino P. Op. cit., p. 4 sq.

⁴⁰ Irmscher J. Die Ausstrahlung der spätbyzantinischen Kultur auf Mitteleuropa. — Athenes, 1976, S. 25.

⁴¹ Византийским императорам часто отдавали первенство по чести перед прочими монархами, а их столицу называли «королевой всех городов мира». См.: Bignon J. Op. cit., p. 445; Esprinchard J. Histoire des empereurs romains depuis Jules César jusqu'à Rodolphe II. S. l., 1600, t. II, p. 486; Du Verdier G. S. Abrégé de l'histoire des turcs. Lyon, 1675, t. 1, p. 254; Mezeray Fr. de. Histoire de France depuis Faramond. P., 1643, t. II, p. 77; Aubery A. de. Des justes prétentions du roy sur l'empire. P., 1667, p. 101.

⁴² Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966, p. 37.

прошлым, чтобы традиция эта успела прекратиться. Значение данного факта для последующих концепций византийской истории представляется нам определяющим.

В немецкой гуманистической историографии, которая первой добилась серьезных успехов в изучении Византии, интерес к ней был связан в первую очередь со злободневностью проблемы турецкой экспансии, непосредственно угрожавшей Германии. Главным в истории Византии стали для немецких гуманистов причины ее падения. Понятно, что в таких условиях Византия, даже если ее судьбе сочувствовали, выступала отрицательным примером. В Германии XVI в. идея борьбы против турок была связана с идеей религиозно-политического замирения страны⁴³. Гуманисты первой половины XVI в. часто ссылались на печальный опыт Византии, объясняя ее гибель усобицами знати и схизмой, лишившей константинопольскую империю поддержки католических государств⁴⁴. С начала деятельности Иеронима Вольфа и его коллег это мнение получило опору в сочинениях поздневизантийских историков, особенно Лаоника Халкондила, широко известного в Западной Европе XVI—XVII вв.⁴⁵

Основное содержание его «Истории» — раздоры византийских магнатов, причем Халкондил неоднократно отмечает, что эти раздоры облегчили туркам их завоевания⁴⁶. О том, как воспринимали Халкондила в XVI в., можно судить по предисловию Конрада Клаузера к его изданию латинского перевода «Истории». Это — небольшой трактат на тему, «каким образом можно изгнать турок из Европы. Единственным средством Клаузеру представляется объединение Германии, пораженное «наихудшей и гибельнейшей заразой» раздора, государство так же бессильно, как больное тело. Сочинение Халкондила, по мнению Клаузера, показывает, что возвеличение турок произошло «вследствие их взаимного согласия», а «гибель высочайшего греческого царства» была подготовлена «раздорами царей и князей и религиозными разногласиями»⁴⁷. Помимо гражданских распрей и религиозного раскола, на Византию проецируется и такой порок общественного строя Германии, как недисциплинированность армии (*corrupta disciplina militaris graecorum*). Следовательно, не будучи настроены прямо враждебно в отношении Византии (Клаузер особо оговаривает, что не имеет в виду враждебных действий против христианских подданных Порты), немецкие гуманисты были далеки от ее идеализации. Главной чертой их взглядов на греческую империю было представление об отсутствии внутреннего единства как причине ее гибели. Последнее понималось как раздоры греческих князей и как религиозное разномыслие, причем, характерно, что второй момент еще не стал ведущим.

Сочинения немецких византинистов были хорошо известны французским историкам и публицистам. Латинский текст Корпуса Вольфа, например, в 1567 г. был перепечатан в Париже, всего несколько лет спустя после его первоначальной публикации. Неудивительно, что в сочинениях французских гуманистов эпохи религиозных войн встречаются прямые отзвуки рассмотренных представлений.

⁴³ *Fischer-Galati St. A. Ottoman imperialism and german protestantism. Cambridge, 1959.*

⁴⁴ *Cuspinianus J. De turcorum origine, religione, ac immanissima eorum in christianos tyrannide, deque viis per quas christiani principes turcos profligare et invadere facile possent. Antwerpiae, 1541, p. 15, 20, 10.* Другие примеры см.: *Djuvara T.-G. Op. cit., p. 68—70*; см. также: *Васильевский В. Г. Обзорение трудов по византийской истории. СПб., 1890, вып. 1, с. 19.*

⁴⁵ Перечень его изданий см.: *Rouillard C. G. Op. cit., p. 76, n. 2.*

⁴⁶ Вот одно из наиболее характерных высказываний Халкондила — фраза по поводу раздоров в Пелопоннесе накануне прихода турок: *Οἱ μὲν Ἕλληνες οὕτω ἐν οὐδενὶ λόγῳ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν ἐπιτριβόμενοι κατὰ βραχὺ ἀπώλλυντο.* См.: *Chalcondyla / Ed. I. Bekker, p. 414*; см. также: *Ibid., p. 17.*

⁴⁷ *Chalcondyla / Ed. Clauserus. Praefatio. Подробнее см.: Pertusi A. Storiografia umanistica e mondo bizantino. Palermo, 1967, p. 48.*

Во второй половине XVI в. Византия попала в поле зрения французских историков ⁴⁸. Это было время острого социально-политического кризиса — религиозных войн во Франции. Соперничество аристократических группировок в обстановке всеобщего недовольства абсолютизмом вылилось в настоящую гражданскую войну. Враждующие партии привлекали себе на помощь единоверцев из-за рубежа. Наемники-иноземцы опустошали страну. В годы междуцарствия (1589—1594) в Париже размещался испанский гарнизон. Папа намеревался посадить на французский престол испанского принца. Снова, как и в самые тяжелые годы Столетней войны, перед Францией возникла угроза потерять национальную независимость. В этих условиях пример Византии — государства, погибшего от внутренних смут, — был весьма актуален. Подобно многим немецким гуманистам, на этот пример ссылались публицисты партии «политиков», призывая к установлению внутреннего мира. Один из наиболее видных политических теоретиков первого периода религиозных войн — Леруа писал: «Когда константинопольский император призвал десять тысяч турок на помощь против взбунтовавшихся греческих князей, он показал им путь в Европу. И затем они использовали возможность приобрести весьма большую власть над Грецией и постепенно захватить ее всю: откуда ведет начало рабство, до которого доведена сейчас эта прекрасная страна» ⁴⁹.

Только во внутренних раздорах, по мнению Леруа, надо искать причину падения Византии, ибо никогда чужеземец не завоеует сплоченный народ. Наряду с внутригреческими смутами важной причиной ее падения Леруа, как и немецкие гуманисты, считал разногласия в христианском мире в целом ⁵⁰.

Обращался к историческому опыту Византии и Франсуа де Лану, видный деятель гугенотской партии, по взглядам близкий к «политикам». Он считал, что возвеличение и гибель государств зависят от божественной воли. Грехи современной ему Франции, за которые бог угрожает ей отмщением, Лану видит в атеизме, богохульстве и увлечении магией. Божественная кара проявляется в распаде и гибели государства. Большое внимание к гражданским войнам в гибнущих государствах сближает оценку Византии, данную Лану, с точкой зрения Леруа. Лану так пишет о смутах в империи в XIII—XIV вв.: «Эти смуты скорее заслуживают названия разбоя, чем войны. . . (Противники) всячески стремились расчлениить империю. Это в конце концов дало средство турецкому императору захватить Константинополь и все другие греческие провинции» ⁵¹.

К этой традиционной картине Лану, однако, добавляет еще один своеобразный штрих. Как и многим его современникам, союз с неверными представляется ему невозможным для христианской державы, ибо, подобно всякому проявлению нечестия, навлекает на страну гнев божий. Так, союз с турками, облегчивший их бесчинства в Средиземноморье, послужил одной из основных причин упадка могущества Франции ко времени смерти Генриха II. Подтверждение этой мысли Лану находит опять-таки в примере Византии, когда василевсы обращались за помощью к туркам против своих мятежных подданных ⁵². Таким образом, к мотиву разъединения перед лицом внешней опасности Лану добавляет другой — нечестия Византии. И если она еще не рисовалась государством, пораженным смертельным недугом ереси, то все же мотив ее нечестия выступает именно в связи с рассуждениями о греховности Франции, приведшей ее к бедствиям религиозных войн.

Наиболее полное изложение причин падения Византии, представленных под рационалистическим углом зрения, принадлежит Рене де Люсенжу,

⁴⁸ См.: *Копсов Н. Е.* У истоков французского византиноведения. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 2, вып. 1 (Серия: история, язык, литература), с. 34—38.

⁴⁹ *Le Roy L.* De l'excellence du gouvernement royal. P., 1575, p. 69—70.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 59; *Idem.* Oratio. . . , p. 12.

⁵¹ *La Noue Fr. de.* Discours politiques et militaires. Basel, 1587, p. 24—25.

⁵² *Ibid.*, p. 368—369.

савойскому дипломату, хорошо знакомому с «турецкой проблемой» (он десять лет прослужил в императорской армии, сражаясь против турок). Первая причина, по Люсенжу, — распутность греческих императоров, понемногу передававшаяся народу и подточившая военную мощь империи («марсову силу»); вторая — «злая зависть» греков, побуждавшая их препятствовать замыслам крестоносцев; третья — «ссоры, прения и распри группировок греческих князей», приглашавших турок себе на помощь; наконец, четвертая — «разделение греческой и римской церквей», ослабившее католическую помощь византийцам⁵³.

Таково основное содержание представлений французских гуманистов о византийской автократии. То, что они отразились в известных политических трактатах, подчеркивает их сугубую актуальность, однако они не были плодом систематического изучения истории Византии.

Вместе с тем сама эта гуманистическая концепция, близкая идеям немецких византинистов, отнюдь не была единственной. В конце XVI в. во Франции складывается иная концепция византийской автократии, которую можно назвать конфессионально-абсолютистской. Рационалистические мотивы в ней были примерно такими же, но они целиком подчинялись религиозно-мистическому толкованию истории Византии. Причины такой ситуации заключались в том, что по мере углубления социально-политического кризиса во Франции развивался и кризис морально-психологический. Он проявился, с одной стороны, в характерном для поздних гуманистов скептицизме и в упадке нравов, обычно сопровождающем социальные потрясения. Все это подготавливало либертинаж XVII в. В области истриографии временно укрепилось рационалистическое осмысление событий⁵⁴ (частично мы могли это наблюдать на примере Рене де Люсенжа). С другой же стороны, происходило нарастание религиозного фанатизма, что также весьма типично для периодов дестабилизации общественной жизни. Относительно рационалистическая религиозность гуманистов стала уступать место мистицизму, восторжествовавшему в «католическом возрождении» XVII в. Эта тенденция была более массовой, более мощной, и ей принадлежало ближайшее будущее. В этих условиях рационалистический анализ причин национального кризиса закономерно подменялся рассуждениями на тему: за какие грехи бог послал Франции столь тяжкие испытания?

Убеждение, что причиной был «атеизм», кризис веры и религиозной морали, питалось реалиями углублявшегося морально-психологического кризиса и вместе с тем усиливало религиозно-мистические тенденции. В соответствии с нарастанием последних и в связи с опасностью скептицизма для монархической идеологии официальная пропаганда усиленно развивала религиозные стороны традиционной концепции французской монархии. Только это могло как-то поддержать — так по крайней мере казалось — ее падающий престиж.

Применительно к Византии итогом развития указанных идеологических процессов была концепция автократии как принципиально еретического, религиозно и морально несостоятельного государства, противоположного «наихристианнейшей» французской монархии и погибшего, естественно, от божественного гнева. Мы уже видели, как убеждение в греховности Франции переносилось на Византию (Ллану). Этот взгляд и становится исходным пунктом новой концепции⁵⁵.

⁵³ Lucinge R. de. De la naissance, durée, et chute des états. P., 1588, p. 69—72.

⁵⁴ Huppert G. The idea of perfect history. Historical erudition and historical philosophy in Renaissance France. Urbana; Chicago; London, 1970; Dubois Cl.-G. Op. cit.

⁵⁵ Поскольку считалось, что «народ образовывает свои нравы по образцу нравов своих владык» (Люсенж), постольку главным элементом картины греховности Византии была порочность василевсов. Ее изображение во многом опиралось на саму византийскую традицию. Ф. Тиннефельд собрал обширный материал, показывающий, до какой степени критически относились византийцы к значительной части своих монархов. Это критическое отношение отчасти повинно в дурной памяти, которую оставила по себе Византия многим поколениям историков и которая стала изживаться сравнительно недавно. См.: Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Nicetas Choniates. München, 1971.

Первым такое толкование истории Византии предложил известный историк Франсуа де Бельфоре, примыкавший к партии «политиков». В отличие от Лану или Леруа он обращался к Византии не в поисках отдельных аргументов для политического памфлета, а специально изучал ее историю. Помимо латинских хроник, содержащих материал о Византии, Бельфоре читал Прокопия, Агафия, Зонару, Халкондила, Глику и Хониата. Его оценки имеют в виду уже Византию в целом, а не отдельные эпизоды ее истории. Он нейтрально относится к императорам V—VI вв. и даже весьма одобрительно отзываясь об Юстиниане и Маврикии, но, начиная с Ираклия, который в гордыне впал в ересь и был наказан арабским нашествием, его тон меняется. Все василевсы «были поражены ересью в результате которой произошел крах греческой империи»⁵⁶. Развивая мысль о чуть не изначальной еретичности Византии, Бельфоре последовательно затушевывает тот факт, что между Западом и Востоком существуют периоды религиозного мира. Отчасти эта тенденция обусловлена необходимостью оправдать перенос империи от греков к франкам, рассматриваемый в качестве наказания Византии за иконоборчество и награды — за благочестие Каролингов. Бельфоре подчеркивает не только еретичность, но и ничтожество василевсов — разумеется, в противовес величию франкских королей⁵⁷. Идея религиозного противостояния греческого и латинского миров превращается у него в идею национально-религиозного противостояния Франции и Византии.

Иконоборческое движение вызывало особую антипатию Бельфоре потому, что ссылки на него служили аргументом в пользу протестантского иконоборчества. Желая лишить оппонентов этого аргумента, Бельфоре указывал, что греческая церковь не может приниматься за образец, ибо она управлялась «фантазией» государей, а не церковной традицией⁵⁸. Представления о непостоянстве веры как нельзя лучше согласовывались с сообщениями греческих историков о частых дворцовых переворотах; отсутствие крепкой веры, собственно, и должно было, по мнению историка, вести к слабости государства. «Греческие императоры, — пишет Бельфоре, — были настолько подвержены козням своих подданных, что многие избегали их, не погибнув под мечами мятежников»⁵⁹. И несмотря на положительные характеристики ряда василевсов (Василия I, Льва VI, Мануила II), основная линия развития империи в изображении Бельфоре — дурная религиозная политика правителей, осуждавшаяся им тем более решительно, чем ближе она ассоциировалась с требованиями гугенотов⁶⁰. В соответствии с постоянными ассоциациями Византии и Франции гибель первой должна послужить предостережением последней: «Бог наказал греков за то же преступление, относительно которого я весьма опасюсь, как бы оно не принесло гибели нашей Франции, а именно за то, что они столь легко вступили в тесную связь с ересью и страхнули ярмо священного повиновения, которым все мы обязаны вселенской римской церкви. Ибо с тех пор, как греки освободились от нее, они знали только несчастья и не могли поддерживать мира и согласия между собой»⁶¹.

Заметим попутно, что отделение от римской церкви считается здесь достаточным объяснением внутренних раздоров в империи: схизма и есть

⁵⁶ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales et l'histoire générale de France. P., 1579, t. 1, p. 118r.*

⁵⁷ *Belleforest Fr. de. La cosmographie universelle. P., 1575, t. II, p. 398.*

⁵⁸ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales. . . , t. 1, p. 276.* Заметим, что если взятое изолированно всевластие василевсов над православной церковью могло вызывать одобрение идеологов абсолютизма (об этом см. ниже, примеч. 116), то в общем концептуально-историческом контексте оно оказывалось безусловно отрицательным свойством. Во-первых, изменчивость веры считалось несомненным признаком ее ложности. Во-вторых, только «наихристианнейшие» французские короли почитались способными вмешиваться в дела церкви на благо, а не во вред, василевсы же не обладали подобной избранностью. Их вмешательства могли создавать юридический прецедент, но не вели к идеализации государственного строя Византии в целом.

⁵⁹ *Belleforest Fr. de. Les grandes annales. . . , t. 1, p. 217 r.*

⁶⁰ *Belleforest Fr. de. La cosmographie. . . , t. II, p. 426.*

⁶¹ *Ibid., p. 472.*

схизма. Однако, хотя французская ситуация и проецировалась на Византию, полного параллелизма между ними отнюдь не устанавливалось. Религиозный раскол, естественный для непостоянных греков, воспринимался как противоестественный в «наихристианнейшей» французской монархии, тем более чуждый ее природе, чем более он был близок и опасен. Византию тем решительнее противопоставляли Франции, чем последовательнее рисовали ее в виде модели угрожающих последней несчастий.

Итак, основное содержание взглядов Бельфоре на Византию состоит в том, что, впав в ересь при Ираклии, она вступила на путь неизбежной гибели, явившейся результатом божественной кары⁶². Вряд ли можно с уверенностью решить, сказывалось ли тут влияние распространенного в латинской литературе XV в. теологического объяснения гибели Византии. Во всяком случае, это объяснение органически связано с историческим мировоззрением Бельфоре. Попытки рационалистически объяснить крушение империи, разыскав «механизм» божественной кары во внутренних смутах, не слишком ярки у Бельфоре. Он ограничивается беглым замечанием, что невозможно жить в мире среди мятежного народа, исповедующего другую веру, чем государь. Опять-таки при этом проводится параллель с Францией⁶³. Однако его не очень интересовали «вторичные причины», коль скоро первичная — гнев божий — казалась совершенно очевидной, и, следовательно, проблема религиозно-политического единства не имела для него самостоятельного значения.

Не в меньшей мере такое понимание Византии было естественным и в свете политических взглядов Бельфоре. Выше была охарактеризована официальная концепция «наихристианнейшей» французской монархии. Нарушение верности католической церкви, т. е. отказ от искоренения ереси, воспринималось как разрыв «пакта» с богом, как самоуничтожение этого «наихристианнейшего» королевства⁶⁴. Так аргументировалась идея необходимости религиозного единства для поддержания единства политического, стабильности государства — мысль, общая для католиков всех партий, как «ревностных» (*dévots*), так и «политиков»⁶⁵. Последние только оппортунистически указывали на то, что силой невозможно достигнуть единства, по крайней мере при создавшихся условиях. Преобладание этих взглядов не исключало рационалистического анализа ереси как политического явления, равно как и последовательных систем веротерпимости, но и то и другое встречалось в XVI в. довольно редко. Во всяком случае, не эти исключения определяли концепцию византийской автократии.

Укрепление абсолютизма в правление Генриха IV сопровождалось энергичной борьбой за восстановление престижа королевской власти. В это время в официальной идеологии оформляется доктрина божественного права — духовный элемент абсолютизма. Правительственная пропаганда усиленно разрабатывает идею королевского священства и христианской природы французской монархии. В залечивающей раны стране необходимость покончить с кризисом религиозной морали порождает широкое движение «католического возрождения». В борьбе со скептицизмом и либертинажем укрепляются позиции мистицизма. В области историографии торжествует теологическая концепция истории. Эти два движения — укрепление абсолютизма и католической церкви — идут рука об руку. При всех столкновениях правительства с папской курией и партий «ревностных» внутри страны уже при Генрихе IV преобладает тенденция к союзу абсолютизма и католицизма, которая развивается в дальнейшем.

⁶² В том же духе, хотя и более лаконично, трактует автократию один из наиболее известных историков конца XVI в. — Дени Пето. См.: *Petavius D. Rationarium temporum. Franequerae, 1694*, p. 383, 400, 403—404.

⁶³ *Belleforest Fr. de. La cosmographie. . .*, t. II, p. 449.

⁶⁴ *Jardeni M. Op. cit.*, p. 103.

⁶⁵ *Stankiewicz W. J. Op. cit.*, p. 23, 25, 37; *Allen J. W. A history of political thought in the sixteenth century. 2nd ed. L., 1941*, p. 295.

Обстоятельства, следовательно, благоприятствовали укреплению теологической концепции истории Византии. Об ее прочности говорит уже то, что такую концепцию разделяли даже некоторые протестантские историки. Они принадлежали к той части протестантской партии, которая радостно приняла умиротворение, принесенное Генрихом IV, и на протяжении почти всего XVII в. придерживалась концепции абсолютности божественного права. Они судили о Византии не с конфессиональных, а с проабсолютистских позиций. Отсюда — приближение их оценок Византии к точке зрения католических историков.

Пастор Жан де Серр — видный деятель умеренного крыла гугенотов. Он вынашивал проекты сближения католицизма и кальвинизма. В качестве духовного наставника Генриха IV пастор разрешил королю переход в католицизм. Его «История Франции» была произведением правительственной пропаганды и принесла ему звание королевского историографа. Начальный период истории Византии был, с точки зрения Жана де Серра, продолжением упадка Римской империи, так что василевсы V—VI вв. царствовали «с бесчестьем и потерями»⁶⁶. Только франки, сломившие могущество ислама, предотвратили гибель Византии от рук арабов. С конца VI в., со споров о титуле вселенского патриарха, начинается Жан де Серр историю раскола между византийской и римской церковью⁶⁷. От протестанта можно было бы ожидать симпатий к движению иконоборцев, но Серр такового не обнаруживает. Он, правда, отмечает, что иконопочитание было новшеством в церкви, и говорит о верности иконоборцев апостольским заветам, но тем дело и ограничивается. На первый план для него выдвигается не то, что велась борьба за «истинную веру», а то, что она наносила ущерб государству. Мятежи и бунты «после многих трагических событий были причиной гибели Восточной империи»⁶⁸. В результате иконоборчества «дела государства были ужасно спутаны»⁶⁹. Очередной вехой упадка Византии явился перенос империи к франкам. После этого, по мнению Серра, в Византии уже не было сколько-нибудь достойных правителей и «Восток на полном галопе стремился к падению». «Так влачилось это бедное, больное и истощенное тело среди постыдных деяний (василевсов) в ожидании последнего удара от рук мусульман, сила которых увеличивалась дурной жизнью греков. Славная картина суда бога»⁷⁰.

Как видим, наряду с внутренними распрями и даже ранее таковых причиной гибели Византии объявляются скверна и последовавший за ней гнев божий. Однако если в нем находит объяснение общая судьба Византии, то конкретные явления ее упадка объясняются внутренними раздорами и отсутствием помощи от западного христианства⁷¹, разделенного «великой схизмой» и Столетней войной.

Жак Эсприншар — богатый ларошельский буржуа, много путешествовавший по Европе и, возможно, поэтому чуждый протестантского фанатизма своих сограждан. Он был убежденным монархистом и патриотом, но в то же время приверженцем «общехристианского дела» — крестового похода коалиции европейских государей против турок⁷². Такая позиция делала его восприимчивым к конфессионально-абсолютистской концепции византийской автократии. В сочинении по истории Турции (в приложении был издан его проект крестового похода) Эсприншар рисует жалкую картину последних веков существования Византии. Причиной падения ее он объявляет «раздор между греческими князьями» и нежелание папства помогать отделившейся церкви⁷³. В общем же очерке истории империи,

⁶⁶ Serres J. de. Inventaire générale de l'histoire de France. P., 1608, p. 75.

⁶⁷ Ibid., p. 170.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid., p. 210.

⁷⁰ Ibid., p. 261.

⁷¹ Ibid., p. 445, 752—755.

⁷² См.: Chatenay L. Vie de Jacques Esprinchar Rochelais. P., 1957.

⁷³ Esprinchar J. Histoire des Ottomans ou empereurs des turcs. P., 1609, t. 1, p. 43—45.

эти объяснения подчиняются теологическому. Эспреншар нередко восхваляет императоров V—VI вв. (например) Феодосия, Юстиниана, Тиверия), но начиная с описания правления Фоки и Ираклия его тон становится враждебным. Бог дозволил арабам преуспеть в наказание за монофелизм Ираклия ⁷⁴. Перенос империи к франкам связывается с иконоборчеством, подорвавшим авторитет василевсов в Италии ⁷⁵. Он же навлек на Византию и божественную кару в виде нового нашествия арабов ⁷⁶. Отмечаемые Эспреншаром в этом контексте гражданские войны выступают лишь частью общего упадка и менее бросаются в глаза, чем описание порчи империи ⁷⁷. Им отводится роль одновременно сопутствующих обстоятельств, признаков божественного гнева и конкретного «механизма» гибели: «Когда монархиям приходит срок, провозвестниками их разрушения являющиеся несчастные утраты, пренебрежение к законам и внутренние раздоры, расщепляющие величие империй, которые обычно ниспровергаются только междоусобицами, проистекающими из справедливого суда бога» ⁷⁸.

В заключение своего рассказа о гибели Константинополя Эспреншар призывает французов помнить о грехах византийцев, впадших в гордыню и предавшихся усобицам, и «жить умереннее, заботливо поддерживать мир, не нарушая общественного спокойствия неверием и пороками из страха, как бы затем к нам, как и к грекам, не пришли распри и взаимные убийства в гражданских войнах» ⁷⁹. Здесь снова отчетливо видно, что гражданские войны представлялись частью морального упадка скорее, чем непосредственным политическим результатом схизмы.

Католические историки первой половины XVII в. развивали ту же концепцию византийской автократии. Примером может служить Сипьон Дюплеи, один из наиболее замечательных апологетов политики Ришелье. Он использует довольно значительное число произведений византийских авторов и регулярно включает их материал в свою «Общую историю Франции». В предисловии сам он перечисляет Прокопия, Агафия, Зонару, Кедрена, Куропалата, Глику, но Дюплеи, видимо, читал также Халкондила и Никифора Каллиста. В стремлении подчеркнуть исключительные заслуги франкских королей перед католической церковью он противопоставляет их политику антиримской линии Византии в период спора о титуле вселенского патриарха ⁸⁰. С религиозным превосходством Франции Дюплеи связывает и ее большее могущество по сравнению с Византией. Он подчеркивает слабость империи в правление иконоборцев и одновременное процветание франкского королевства Каролингов ⁸¹. Даже описывая упадок франкской империи при сыновьях Людовика Благочестивого, автор не забывает отметить, что Византия «была в еще худшем состоянии по причине атеизма императора Михаила III» ⁸². Не случайно упадок Византии наиболее ярко проявился, по Дюплеи, в переносе империи к франкам ⁸³.

Гибель Византии Дюплеи объясняет «непостоянством греков», приведшим их к схизме ⁸⁴, но это объяснение понимается целиком в теологическом плане. Бог, наказуя гордыню и непостоянство греков, «содейл их рабами сарацин и турок» ⁸⁵. Серьезность веры Дюплеи в божественное вмешательство видна из его ссылок на чуму и голод в империи конца VIII в. или на смерть Никифора I от руки болгар: все это, с его точки зрения, чудесные проявления божественного гнева против иконоборцев ⁸⁶.

⁷⁴ *Esprinchard J. Histoire des empereurs romains depuis Jules Cesar jusques'à Rodolphe II. S. I., 1600, t. I, p. 640—641.*

⁷⁵ *Ibid.*, p. 673.

⁷⁶ *Ibid.*, t. II, p. 14.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 158, 478—479.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 473.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 486.

⁸⁰ *Dupleix S. Histoire générale de France. P., 1634, t. I, p. 186.*

⁸¹ *Ibid.*, p. 446.

⁸² *Ibid.*, p. 493.

⁸³ *Ibid.*, p. 360.

⁸⁴ *Ibid.*, t. III, p. 264.

⁸⁵ *Ibid.*, t. I, p. 206.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 356, 445.

Можно поверить, что рационалистические причины являются для Дюплеи в полном смысле вторичными. Рассказав о смутах в Византии в конце VII—начале VIII в., он замечает: «Такого рода трагедии разыгрывались на подмостках империи в результате сделавшихся обычными восстаний тиранов против законных государей, поскольку бог покинул их, как они покинули церковь. В это время сарадины значительно преуспели в делах»⁸⁷.

Государственные беспорядки здесь чисто теологически объясняются тем, что бог перестал поддерживать единство империи. Внутреннее «сцепление» вторичных причин словно отодвигается на второй план. Характерно в этом высказывании и то, что византийский василевс как тип является у Дюплеи воплощением тирана-узурпатора⁸⁸. Именно с тираническим характером власти связывает Дюплеи и крайнюю жестокость василевсов, вызывавшую омерзение историков XVI—XVII вв.⁸⁹, и слабость перед лицом внешних врагов⁹⁰. Тем же объясняется историческая вражда Франции и Византии — неизбежная вражда между легитимными монархами и узурпаторами, которым «все законные государи подозрительны»⁹¹. Французских крестоносцев, взявших Константинополь, Дюплеи считает носителями божественной справедливости, в этом находит свое полное выражение противопоставление Византии и Франции, а вместе с тем — отношение к автократии вообще⁹².

Такое отношение было общепринятым. Известный «тюркист» Мишель Бодье писал, что гибель Византии «явилась наказанием нечестия греков, которые отрицают, что святой дух исходит от Иисуса Христа»⁹³. Один из крупнейших французских историков XVII в. — Франсуа де Мезере в первом томе своей «Истории Франции» называет основной причиной гибели греческой империи гнев господ, «который пожелал наказать предательства и ужасные преступления этих схизматиков»⁹⁴, а во втором указывает частные причины — «леность императора Запада», «малодушие греков», «тиранию греческих государей и раздоры как по поводу религии, так и государства»⁹⁵. Насколько прочно представление о полярности Византии и Франции укоренилось в общественной мысли этого периода, видно из того, что оно широко привлекалось в политических трактатах для обоснования идеи об исключительности французской монархии. Так, Андре Дюшен, Жером Биньон и Жан Фильсак подчеркивали большую древность и святость помазания французских королей по сравнению с аналогичным ритуалом византийских василевсов⁹⁶.

Во второй половине XVII в. продолжала господствовать клерикально-абсолютистская концепция византийской автократии. Французский абсолютизм достиг в этот период своего наивысшего могущества. От прежней тактики сплочения антигабсбургских коалиций Франция перешла к открытой борьбе за гегемонию в Европе. Значительно активизировалась коло-

⁸⁷ Ibid., p. 257.

⁸⁸ Ibid., t. II, p. 427—428.

⁸⁹ Ibid., p. 428. Речь идет об обычае выкалывать глаза.

⁹⁰ Ibid., p. 108.

⁹¹ Ibid., p. 52.

⁹² Ibid., p. 195, 238. Осуждение «предательства» греками крестоносцев и прославление IV Крестового похода было общим местом во французской историографии этого времени. См.: *Vignier N. La bibliothèque historique*. P., 1588, t. III, p. 225; *Bongar J. Gesta dei per francos*. Hanoviae, 1611. Praefatio; *Mezeray Fr. de*. Op. cit., t. I, p. 498.

⁹³ *Baudier M. Histoire générale de la cour et du sérail du Grand Seigneur*. P., 1626, p. 4.

⁹⁴ *Mezeray Fr. de*. Op. cit., t. I, p. 411.

⁹⁵ Ibid., t. II, p. 77. Некоторое изменение точки зрения Мезере, высказывавшейся во втором томе, по сравнению с той, которой он придерживался в первом, было, очевидно, неслучайным. Известно, что, попав в Париже под влияние либертинов, автор во втором томе стал гораздо реже апеллировать к божественному вмешательству для объяснения причин исторических событий, чем в первом. См.: *Pintard R. Le libertinage érudit dans la première moitié du XVIIe siècle*. P., 1943, p. 281.

⁹⁶ *Du Chesne A.* Op. cit., p. 417; *Bignon J.* Op. cit., p. 507. О Фильсаке см.: *Bloch M.* Op. cit., p. 197—198, 354.

ниальная экспансия абсолютизма, в частности и в Средиземноморье. Торжество над мятежной знатью и народными восстаниями внутри страны позволило правительству более решительно повести борьбу за установление религиозного единообразия. Нарастание религиозных гонений означало дальнейшее сближение абсолютизма и католицизма. Однако эта попытка восстановить духовную монополию католической церкви совпала с началом «кризиса европейского сознания» конца XVII в., который был ею в немалой мере ускорен. Традиционная религиозная культура уступала место рационализму Просвещения, да и сама реакционная идеология этого периода не оставалась неизменной: она восприняла многие элементы новой мысли. Неудивительно, что при сохранении основных пунктов клерикально-абсолютистской концепции истории Византии некоторые ее черты трансформировались.

Активизация средиземноморской политики Франции сказалась на идейной направленности трудов крупнейшего эрудита-византиниста XVII в. Шарля Дюканжа. Он настойчиво подчеркивает крестоносную функцию французской монархии и устанавливает прямые параллели между внешней политикой Людовика XIV и крестовыми походами⁹⁷. Людовику он предрекает исполнение великой миссии, начатой крестоносцами, используя для доказательства законности французской экспансии историю основания Латинской империи: «Государь, я предлагаю Вам не чуждые земли и не новые миры, когда предлагаю Вам Константинопольскую империю, поскольку это престол, на который храбрость и доблесть возвели Ваших предков»⁹⁸.

Многие современные государи богаты, по мнению Дюканжа, «только узурпациями, сделанными в ущерб правам французской короны». Один из таких узурпаторов — турецкий султан. Его власть характеризуется Дюканжем как «самая грубая тирания»⁹⁹, она здесь — это не угнетение греческого народа, а узурпация прав французских императоров Константинополя¹⁰⁰. В вековой борьбе Франции с исламом греки, по мнению Дюканжа, — враги французов¹⁰¹. Аналогичные параллели между Людовиком XIV и крестоносными государами проводит Луи Мэмбур. Он также сурово осуждает василевсов за «предательство» крестоносцев и за незаконное происхождение их власти из взаимных узурпаций, а взятие Константинополя в 1204 г. считает богоугодным деянием¹⁰². Эти мотивы характерны и для других исторических сочинений второй половины XVII в.¹⁰³ Византия по-прежнему рисовалась не каким-то могущественным агрессивным государством, как это иногда предполагают, но лишь в виде объекта завоевания.

Сохранялся в эпоху Людовика XIV и взгляд на Византию как на государство, погубленное гражданскими войнами и усобицами магнатов: по словам Лакруа, «разделение многих мелких суверенов, каждый из которых владел частью греческой империи, устранило для турок все препятствия»¹⁰⁴. Разумеется, удерживалось и представление о религиозно-политическом противостоянии Византии и Франции¹⁰⁵. Характерна фраза Боссюэ: после походов Пипина Короткого в Италию византийские «им-

⁹⁷ *Du Cange Ch. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois.* P., 1657, t. I. Epitre.

⁹⁸ *Ibid.*

⁹⁹ *Ibid.*

¹⁰⁰ *Ibid.*, t. II. Préface.

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² *Maimbourg L. Histoire des croisades pour la délivrance de la terre sainte.* P., 1684, t. I. Epitre, p. 66, 340.

¹⁰³ *Prade Le Royer de. L'histoire de France depuis Pharamond jusqu'à Louis XIV.* P., 1684, t. I, p. 424; *Marolles M. de. Histoire des rois de France.* P., 1663, p. 172.

¹⁰⁴ *La Croix de. Abrégé chronologique de l'histoire ottomane.* P., 1768, t. 1, p. 101. См. также: *Idem. La Turquie.* . . , p. 18; *Idem. Etat.* . . , p. 71—72; *Chevreau U. Histoire du monde.* P., 1689, t. III, p. 380; *Du Vignau J. L'état présent de la puissance ottomane.* P., 1687. Préface.

¹⁰⁵ *Aubery A. de. Op. cit.*, p. 114.

ператоры стали мало признаваться в Риме: их презирали за слабость и ненавидели за заблуждения. Пипина же там рассматривали как защитника римского народа и римской церкви. Это достоинство сделалось наследственным в доме французских королей»¹⁰⁶. «Презирали за слабость и ненавидели за заблуждения» — слова, вполне применимые для характеристики отношения и самих идеологов абсолютизма к Византии.

Однако, хотя эти мотивы отношения к Византии сохранялись, другие, напротив, стали звучать приглушенно. Обращает на себя внимание изменение тона историков, писавших о Византии. Конечно, здесь трудно установить точные критерии, но все же у историков второй половины XVII в. не найти картины утопающей в грехах Византии. Характеристики василевсов, данные, например, Луи Мэмбуром, если не более объективны, то, во всяком случае, более сдержанны и разносторонни, чем прежние. Возможно, здесь сказалось лучшее знакомство с византийскими источниками, которые с середины XVII в. стали издаваться Королевской типографией в Лувре, но этот сдвиг можно связать и с более глубокими переменами в общественной мысли.

Во-первых, в царствование Людовика XIV не было места для представления о моральном упадке как причине национального кризиса просто в силу отсутствия последнего, пусть моралисты и критиковали «нравы этого века». Соответственно и примеры именно нравственного падения государств прошлого потеряли былую актуальность. Во-вторых, большее значение приобрели иные объяснения упадка Византии. «Механизм» упадка стал пониматься по-другому.

Наиболее отчетливо эти изменения в понимании Византии прослеживаются в сочинениях Луи Мэмбура. Он принадлежал к числу тех французских иезуитов, которых последовательный галликанизм привел к прямому конфликту с Римом. Его сочинения скандализовали курию. «Это отрезанный ломоть для святого престола», — писал о нем Мабильон¹⁰⁷. В конце концов Мэмбур был изгнан из ордена. Научные достоинства его трудов невелики, и эрудиты — возможно, излишне пристрастно — оценивали их критически («это книги для женщин»¹⁰⁸). Все же Мэмбур был довольно начитан в византийских источниках. Именно ему принадлежат первые во французской историографии обзорные труды по истории Византии.

Главная цель исторических сочинений Мэмбура состояла, по его собственному признанию, в том, чтобы показать непрерывный упадок империи, завершающийся в жалком состоянии современной ему Германии и противоположный возрастающему величию французской монархии¹⁰⁹. История Византии оказывается у него этапом общего упадка империи. Она рисуется Мэмбуром как непрерывное нарастание ересей, венчаемое схизмой и сопровождаемое политическим крушением автократии. Его основные вехи — арабское нашествие, латинское, а затем и турецкое завоевание Константинополя¹¹⁰. Эти мотивы вполне традиционны, равно как и апелляция к божественной воле для объяснения тех или иных событий¹¹¹. Вместе с тем Мэмбур подробнее и по-новому раскрывает сцепление вторичных причин, приводящих от схизмы к гибели. Он пишет: «Из всех врагов, которых следует опасаться в великой монархии, самым ужасным является раскол, каким он изображен в этой истории, где можно видеть, в резуль-

¹⁰⁶ Bossuet J.-B. Discours. . . , p. 147.

¹⁰⁷ Correspondance inédite de Mabillon et de Montfaucon avec l'Italie / Ed. Valéry. P., 1846, t. I, p. 9.

¹⁰⁸ Ibid., t. III, p. 244.

¹⁰⁹ Maimbourg L. Histoire de la décadence de l'empire après Charles Magne P., 1681, p. 1—2. Это стремление в высшей степени характерно для официальной пропаганды правительства Людовика XIV. См.: Zeller G. Les rois de France candidats à l'empire. — Revue historique, 1934, t. 173, p. 523.

¹¹⁰ Maimbourg L. Histoire de l'hérésie des iconoclastes et de la translation de l'empire aux français. P., 1679, t. I, p. 3—5; t. II, p. 93.

¹¹¹ Ibid., t. I, p. 3, 8; t. II, p. 93—94.

тате каких беспорядков и несчастий он наконец разрушил империю Великого Константиана»¹¹².

Сила монархии и наличие в ней схизмы «сцеплены» здесь напрямую. Схизма описывается Мэмбуром в первую очередь как антиправительственное движение. Рассказ Георгия Пахимера о восстании родственников Михаила Палеолога (они были недовольны заключением Лионской унии) дает Мэмбуру повод заключить: «Вот чего должны бояться государи от схизматиков, которые в жутком ослеплении, являющемся наказанием им за их ересь, убеждены, что во имя защиты их убеждений, которые они зовут религией, все самые тяжкие преступления, презрение к духовным и светским властям, восстание против государя, союз с врагами государства являются для них великими выражениями добродетелей»¹¹³.

Божественное наказание, мысль о котором проскальзывает и здесь, имеет, однако, совершенно иную функцию. Божественная воля не выступает тут более или менее произвольно действующей причиной явления, но только санкционирует его естественный «внутренний состав». Ересь губит монархию сама по себе, в силу внутренней несовместимости с абсолютизмом. Она влечет за собой гражданскую войну не из-за упадка нравов или в результате божественной кары, а в силу отсутствия идейного единства — высшей санкции единства политического: «Примеры зарубежной и отечественной истории убеждают нас, что нет ничего более предосудительного в монархии, где все должно быть сведено к совершенному единству под властью одного главы, чем различие религиозных чувств, ибо, разделяя члены по самому деликатному поводу между собой, оно со всей легкостью под благовидным предлогом свободы совести отделяет часть от вождя, который не покровительствует ей»¹¹⁴.

В противоположность терзаемой смутами Византии Франция накануне ревокации Нантского эдикта рисуется Мэмбуром страной, избавившейся наконец от схизмы. Противопоставление благочестивых французских королей нечестивым василевсам находит предельно красноречивое выражение в следующем высказывании Мэмбура: «... в различном поведении греческих императоров и французских королей можно найти уроки того, что является доброй, а что — дурной политикой»¹¹⁵.

Изложенные взгляды Мэмбура отличаются от представлений его предшественников не столько в изложении фактов, сколько в осмыслении примерно одного и того же материала. В этой эволюции проявилась тенденция к более рационалистическому осмыслению истории в рамках клерикально-абсолютистской историографии. В то же время на нее повлияли новые черты религиозной политики Людовика XIV. Как политическая организация протестантская партия была сломлена еще при Ришелье. Теперь речь шла об искоренении кальвинизма как вероучения, не о компромиссе между религиями, а о жесткой религиозно-политической унификации общества. Представление о несовместимости ереси и абсолютизма и лежало в основе взглядов Мэмбура на Византию.

* * *

Итак, в XVII в., в период расцвета французского византиноведения, во Франции утвердилось резко отрицательное отношение к Византии. На всем протяжении рассмотренного нами периода автократию считали нестабильной, слабой и закономерно погибшей деспотией. Вся ее история представлялась сплошным упадком. Причины его понимались по-разному. Во второй половине XVI в. гуманисты склонны были искать их в первую очередь в феодальных устоях византийских магнатов. В конце XVI в. оформилась клерикально-абсолютистская концепция истории Византии, согласно

¹¹² Maimbourg L. Histoire du schisme des grecs. P., 1680, t. I, epître.

¹¹³ Ibid., t. II, p. 116.

¹¹⁴ Ibid., t. I, p. 294. См. также: Stănescu E. Le XIe siècle byzantin: évolution d'une image historique aux XVIe—XIXe siècles. — RESEE, 1968, t. VI, N 1, p. 93.

¹¹⁵ Maimbourg L. Histoire... des iconoclastes... t. I, p. 6.

которой главной причиной гибели империи была схизма. Можно выделить два этапа развития этой концепции. Поначалу она имела религиозно-мистический характер. Поскольку сохранение религиозного единства осознавалось в качестве долга перед богом, состоявшего в том, чтобы исповедовать «истинную веру», схизма считалась как бы коллективным грехом государства. Будучи таковой, она занимала свое место среди прочих «прегрешений», причиной и в то же время порождением которых была и сама. Схизма, следовательно, осознавалась прежде всего как грех, а не как политическое явление. Поэтому и гибель Византии считалась скорее наказанием за грехи, чем естественным политическим следствием схизмы. Во второй половине XVII в. возобладал более рационалистический вариант этой концепции. Гибель Византии стали объяснять отсутствием в ней в результате схизмы необходимого для прочности государства религиозно-политического единства. Эта идея, однако, не заменила старого теологического объяснения, а только включилась в него в виде относительно эмансипированного «механизма» божественной кары. Указанные изменения отразили эволюцию концепции ереси в абсолютистской идеологии XVII в.

Все эти оценки автократии были прямо навеяны французской ситуацией. И гуманисты, и историки XVII в. проецировали на Византию те пороки политического строя Франции, необходимость избавиться от которых они стремились обосновать. Однако эти пороки, главным образом схизма (т. е. — во французских условиях — реформация), считались чуждыми природе «наихристианнейшей» французской монархии. Поэтому Византия, наделенная пороками Франции, представлялась ее антиподом, а не подобием. История крестовых походов, богатая франко-византийскими конфликтами, вместе с враждебным отношением к православному греческому народу и стремлением восстановить Латинскую империю превращали представления о противоположности Византии и Франции в идею их принципиальной враждебности. Будучи важной опорой официальной теории французской монархии, конфессионально-абсолютистская концепция автократии прочно укоренилась во французской историографии XVII в. и оказала значительное влияние на византиноведение XVIII—XIX вв.¹¹⁶

¹¹⁶ Все это не исключало периодического обращения идеологов абсолютизма к византийским концепциям и юридическим прецедентам, заимствованным из византийской истории. В частности, византийское законодательство по вопросам соотношения императорской власти и церкви использовалось для обоснования галликанских идей. См. подробно: *Копосов Н. Е.* Представления о византийской автократии во французской общественной мысли XVII века. Диссертация . . . канд. ист. наук. Л., 1980, с. 36—44. См. также статью Р. Жаксона, где впервые в историографии убедительно показана возможность византийского влияния на один из элементов французского коронационного церемониала (*Jackson R. De l'influence du cérémonial byzantin sur le sacre des rois de France. — Byz., 1981, 51, fasc. 1, p. 201—210*).